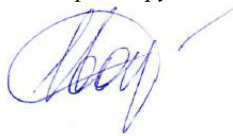

На правах рукописи

Фролова Алёна Викторовна

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИИ
В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ США И КИТАЯ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2023

Работа выполнена на кафедре лингвистики и перевода
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Солопова Ольга Александровна

Официальные оппоненты:

Калинин Олег Игоревич, доктор филологических наук, ФГКВОУ ВО
«Военный университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации, доцент 36 кафедры
Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук,
доцент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»,
профессор кафедры русского языка и литературы

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

Защита состоится «16» июня 2023 г. в 12:00 часов на заседании
диссертационного совета 33.2.024.03 на базе ФГБОУ ВО «Уральский
государственный педагогический университет» по адресу: 620091,
г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 226.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале
информационно-интеллектуального центра – научной библиотеки
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» и
на сайте Уральского государственного педагогического университета
<http://science.uspu.ru>.

Автореферат разослан «03» мая 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Бабикова Марина Рашитовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена исследованию метафорического моделирования образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая в контексте антироссийской санкционной политики.

Актуальность исследования. Исследование метафоры в политическом дискурсе является одним из активно развивающихся направлений современной лингвистики. Это обусловливается переосмыслением феномена метафоры в рамках антропоцентрической парадигмы, роли метафоры в организации когнитивных процессов, в фиксировании новых знаний и упорядочивании понятийной системы человека, его ценностных установок, способности метафоры оказывать эмоциональное воздействие на адресата.

В последние десятилетия особое значение приобретает изучение метафоры в политическом интернет-дискурсе: социальные сети превратились в один из влиятельных каналов распространения информации и обсуждения политических проблем. Подобные платформы приводят к росту политической грамотности пользователей, что помогает объединить единомышленников для обсуждения новостей и способствует росту политической активности населения. Актуальный интерес в настоящее время представляет изучение того, какие метафорические образы создают адресанты сообщений на социальных платформах в качестве реакции на политические события и явления.

Обращение к теме образа будущего России обусловлено тем, что наша страна является ведущим государством мира, именно поэтому формулирование приоритетов ее дальнейшего развития влияет не только на внутриполитическое устройство государства, но и на будущее мирового сообщества в целом, что не может не вызывать повышенного внимания зарубежных политиков, СМИ и рядовых граждан к проблеме будущего России.

Выбор в качестве материала для анализа дискурсов США и Китая обусловлен тем, что, во-первых, объективной реальностью геополитической ситуации в мире стало появление «нового треугольника» взаимоотношений. Россия, США и Китай – крупные государства, обладающие мощным геополитическим влиянием, изменение и развитие их отношений в значительной степени влияют на международную структуру и мировую обстановку. Во-вторых, США и Китай занимают различные позиции в санкционной политике, проводимой странами Запада в отношении России: Америка инициирует санкции, Китай сохраняет нейтралитет, являясь партнером России по многим геополитическим вопросам.

Интернет-дискурс способствует обсуждению проблемы будущего России рядовыми гражданами США и Китая, что позволяет лучше понять позицию американского и китайского общества по отношению к России, часто отличную от официальной линии, проводимой правительствами государств.

В связи с этим исследование метафорических образов будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая представляется актуальным и требует специального изучения.

Объектом исследования является метафорический образ будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая.

Предметом исследования выступают общие черты и особенности метафорического образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая.

Цель исследования – выявление общих и культурно-специфических черт в моделировании метафорического образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие **задачи**:

1) уточнить теоретико-методологические основы исследования метафорического моделирования образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая, предложить авторское определение неинституционального политического интернет-дискурса;

2) сформировать и систематизировать исследовательские корпуса текстов американского и китайского дискурсов; отобрать и классифицировать по сфере-источнику метафорические единицы, участвующие в создании образа будущего России в каждом из анализируемых дискурсов, создать систему метафорических моделей;

3) установить типологические особенности английского и китайского языков, влияющие на степень метафоричности национальных дискурсов;

4) выявить общие модели, доминантные для двух дискурсов, проанализировать их структуру, прагматический потенциал, лингвокультурную и дискурсивную специфику, сопоставить данные с указанием общих элементов и особенностей;

5) проанализировать менее частотные и специфичные метафорические модели в каждом анализируемом дискурсе с учетом состава фреймов, прагматического потенциала (способности моделировать образы «светлого» и «мрачного» будущего), лингвокультурной и дискурсивной специфики, сопоставить данные с указанием общих элементов и особенностей.

Источником материала выступают американский и китайский веб-сервисы вопросов и ответов: Quora и 知乎 (Zhihu) соответственно. Хронологические рамки исследования включают период с 2014 года по настоящее время. Выбранный хронологический срез совпадает с периодом санкционной политики, проводимой странами Запада против России, инициатором которой выступили США. Материалом для исследования послужили 357 метафорических единиц на английском языке и 1078 метафор на китайском языке, отобранных из равнообъемных выборок, составляющих 1000 комментариев пользователей на материале каждого языка.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассмотрены особенности метафорического моделирования образа будущего

России на материале неинституционального политического интернет-дискурса. Методика метафорического моделирования дополнена типологическим описанием английского и китайского языков. В сопоставительном ракурсе проанализирован массив материала неинституционального политического интернет-дискурса США и Китая, выявлены общие черты и особенности метафорического образа России, обусловленные лингвокультурной спецификой, экстрадискурсивными факторами и типологическими особенностями разноструктурных языков. Зафиксировано, что системы метафор, репрезентирующих будущее России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая, представлены равным количеством моделей; выявлено, что частотность, состав фреймов и слотов общих метафорических моделей в неинституциональных политических интернет-дискурсах США и Китая отличаются; в двух дискурсах при репрезентации образа будущего России доминируют метафоры с негативным оценочным потенциалом с преобладающей долей таких метафор в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии теории метафорического моделирования, теории лингвополитической прогностики, теории дискурса, в попытке уточнения гибридности дискурса. Проведенный анализ позволяет уточнить научные представления об универсальных и специфических закономерностях метафоризации в политическом дискурсе на материале разноструктурных языков.

Кроме того, исследование вносит вклад в развитие понятийно-терминологического аппарата: уточнено определение метафоры в рамках лингвополитической прогностики, введено авторское определение неинституционального политического интернет-дискурса.

Практическая ценность работы заключается в том, что материалы и выводы работы могут быть использованы при проведении дальнейших исследований в русле теории метафорического моделирования на материале национальных политических дискурсов, при разработке теоретических курсов лингвистических дисциплин (теория языка, теория дискурса, лингвистический анализ текста, когнитивная лингвистика, политическая лингвистика), при написании, подготовке исследований, выполняемых бакалаврами, магистрантами, аспирантами, а также при подготовке словарей по политической метафоре.

Теоретико-методологическая база. Для достижения поставленной цели и решения задач необходимо рассмотреть положения следующих направлений:

– *теории дискурса* (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Т. ван Дейк, С. В. Иванова, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, Е. В. Падучева, П. Б. Паршин, В. В. Петров, Ю. С. Степанов, В. В. Тихонов, М. Фуко, Е. И. Шейгал) и его *гибридных видов* (М. М. Бахтин, Т. В. Дубровская, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, К. А. Наумова, О. А. Солопова, М. С. Салтыкова, Т. Н. Хомутова);

– *политической лингвистики* (Э. В. Будаев, Е. Н. Галичкина, Д. С. Гальчук, О. Н. Кондратьева, Г. Б. Кошарная, Н. Н. Кошкарлова, Н. А. Красильникова, С. В. Иванова, О. А. Солопова, А. П. Чудинов);

– *лингвополитической прогностики и исследований, связанных с проблематикой моделирования будущего* (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, М. Б. Ворошилова, Н. Д. Кондратьев, М. С. Салтыкова, О. А. Солопова, А. А. Хабаров, А. П. Чудинов);

– *теории метафоры* (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, М. Блэк, Р. Бойд, Э. В. Будаев, В. З. Демьянков, Дж. Джейнс, М. Джонсон, Р. И. Зарипов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Д. Лакофф, А. Мусолф, Р. Ошлаг, Х. Петри, А. П. Чудинов);

– *лингвистической типологии английского и китайского языков* (А. Р. Абдрахманова, В. Д. Аракин, Ю. В. Богоявленская, К. В. Волков, Дж. Гринберг, В. фон Гумбольдт, Т. Л. Гурулева, О. И. Калинин, В. Б. Касевич, О. А. Леонтович, Цз. Линь, Н. Б. Мечковская, Д. В. Селезнева, Э. Сепир, Чж. Фань, С. Е. Яхонтов).

В процессе работы наряду с общенаучными методами наблюдения, анализа, синтеза использованы такие **методы** и приемы, как описательный метод, дефиниционный анализ, метод метафорического моделирования, контекстуальный анализ, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический методы, типологическое описание, сопоставительный анализ, приемы количественной обработки данных.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Неинституциональный политический интернет-дискурс является гибридным форматом медийного и политического дискурсов, сложившимся в электронно-опосредованной среде, предусматривающим статусное равенство коммуникантов и транслирующим аксиологические установки агентов электронно-опосредованной коммуникации.

2. Системы метафор неинституционального политического интернет-дискурса США и Китая представлены равным количеством моделей (с девятнадцатью общими сферами-источниками и одной специфичной для каждого дискурса). Общими тенденциями в представлении будущего России являются высокие показатели метафоричности (структурированность метафорических систем, интенсивность использования метафорических единиц), что свидетельствует о значимости образа будущего России в дискурсах двух государств.

3. Метафорическая плотность американского и китайского дискурсов о будущем России, представленная общим количеством метафорических единиц и числом моделей в метафорических системах, зависит от типологических характеристик английского и китайского языков. Высокая метафорическая плотность китайского дискурса в большей степени обусловлена внутриязыковыми особенностями: принадлежностью китайского языка к языкам слогового типа, к языкам с иероглифической системой письменности, к языкам изолирующего типа.

4. В неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР при моделировании образов будущего России доминантными являются общие для двух дискурсов физиологическая и зооморфная метафоры, что доказывает универсализм моделей при моделировании будущего «другого» государства. Состав доминантных моделей достаточно однороден; различия зафиксированы на уровне фреймо-слотовой структуры, прагматического потенциала и обусловлены спецификой национальных языков, лингвокультурными и дискурсивными факторами.

5. Общие для двух дискурсов метафорические модели неживой природы, театра, игры и спорта, войны, криминала, монархии, дома, религии, болезни, родства, гастрономии, истории, космоса, механизма, царства растений, финансов, секса обнаруживают различия на уровне фреймо-слотового состава и частотности. Специфичной для дискурса США является педагогическая метафора, для дискурса КНР – метафора пути. В двух дискурсах негативные метафорические образы будущего России преобладают над положительно окрашенными метафорами; доля метафор, продуцирующих образы мрачного будущего, выше в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США.

Достоверность результатов исследования обеспечена значительным объемом проанализированного материала, использованием современных взаимодополняющих методов исследования метафоры, опорой на классические и современные достижения языкознания.

Апробация работы. Теоретические и методологические аспекты исследования, а также его основные результаты обсуждались на кафедре лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета, изложены в докладах на тринадцать мероприятий: ежегодная научная конференция аспирантов и докторантов ЮУрГУ (Челябинск, 2020, 2021, 2022), ежегодный научно-методический семинар сотрудников ЮУрГУ (Челябинск, 2020, 2021, 2022), ежегодная межвузовская студенческая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы в науке: взгляд молодых» (Челябинск, 2020, 2021, 2022), X Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Екатеринбург, 2020), Международная научно-практическая конференция «Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования» (Белгород, 2020), XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2021), 74-я научная конференция профессорско-преподавательского состава ЮУрГУ (Челябинск, 2022).

По теме исследования опубликовано 8 научных работ: 7 статей в рецензируемых журналах и сборниках научных трудов, в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ; глава в коллективной монографии (в соавторстве).

Работа прошла апробацию в рамках научного проекта РФФИ и ЭИСИ № 20-011-31622 «Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении диссертации обозначается актуальность исследования, особое внимание отводится теоретико-методологическим основам, методам, научной новизне исследуемой проблемы, ее теоретической и практической значимости, описываются цель, задачи, объект и предмет исследования, приведены сведения об апробации работы.

В первой главе «Теоретические основы сопоставительного исследования метафорического образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая» представлен обзор зарубежных и отечественных научных работ, посвященных проблематике исследования: последовательно рассмотрены понятия дискурса, институционального дискурса, политического дискурса, неинституционального политического интернет-дискурса (п. 1.1); освещены вопросы, связанные с понятием концептуальной метафоры и ее функционированием в политическом дискурсе (п. 1.2); изложены основные положения лингвополитической прогностики и смежных направлений, проблематика которых связана с моделированием образа будущего (п. 1.3).

Под **дискурсом** в работе понимается коммуникативная деятельность, происходящая с целью установления и поддержания контакта для эмоционального и информационного обмена, построения коммуникативных стратегий, которая может быть устной или письменной и иметь вербальные и невербальные составляющие [Карасик, 2000; ван Дейк, 1989].

В. И. Карасик выделяет личностно-ориентированный и статусно-ориентированный или **институциональный** виды дискурса, где под последним понимается «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2006]. Институциональному виду дискурса противопоставляется **неинституциональный дискурс**, «для вовлеченности в который нет конкретных требований, признанных в данном языковом сообществе» [Силантьев, 2006].

Любое политическое взаимодействие сопровождается дискурсом. Политический дискурс можно также охарактеризовать в терминах институциональности: **институциональный политический дискурс** используется политиками в политической коммуникации, направлен на воздействие на адресата с целью сохранения, осуществления, перераспределения и завоевания политической власти; **неинституциональный политический дискурс** или политический дискурс реагирования представляет собой общение, спроектированное оценочной реакцией коммуникантов на политические явления и участие в обмене мнений, в решении проблем общества и государства, которое уточняет или формирует их картину мира [Баранов, 1997;

Красильникова, 2012; Перельгут, Сухоцкая, 2013; Плотникова, 2005, 2009; Попова, Стернин, 1984; Шейгал, 2004; Van Dijk, 1997].

Возникновение и общедоступность Интернета внесли свои коррективы в языковую среду, в само общение непосредственно. Они столь масштабны и глобальны, что заставляют лингвистов обратить внимание на особенности функционирования **интернет-дискурса**, под которым понимается коммуникативная деятельность, предполагающая дистантное интерактивное общение виртуальных собеседников и происходящая в компьютерных сетях. **Неинституциональный интернет-дискурс**, в свою очередь, реализует подачу информации на личностно-ориентированном уровне в электронно-опосредованной коммуникации и может быть представлен в медийном дискурсе в виде комментариев к статьям в электронных журналах, писем в редакции СМИ по политической проблематике, сообщений в социальных сетях, блогах, на форумах.

Особое внимание в рамках настоящего исследования уделяется интерпретации термина **неинституционального политического интернет-дискурса**, который синтезирует черты медийного и политического дискурсов, транслируя аксиологические установки коммуникантов электронно-опосредованного общения и предполагая их статусное равенство.

Исследователи едины во мнении о том, что концептуальная **метафора** играет важнейшую роль в категоризации политической действительности и трансформации картины мира в сознании адресата [Баранов, 2014; Будаев, 2010; Калинин, 2020; Керимов, 2015; Charteris-Black, 2017; Lakoff, Johnson, 1980; Musolff, 2016; Solopova, Chudinov, 2019]. «Метафоризация построена на взаимодействии двух структур – сферы-источника и сферы-мишени. В результате метафорической проекции знакомые для человека элементы когнитивной структуры “источника” формируют менее понятную для него сферу-мишень, что являет собой сущность когнитивного потенциала метафоры» [Будаев, 2007]. Именно эти свойства метафоры востребованы в политическом дискурсе, где «метафора в речи политика пробуждает скрытые импульсы в общественном сознании» [Edelman, 1971]. Тем самым метафора является эффективным средством осуществления социальной власти, способным манипулировать сознанием и поведением человека.

В интернет-дискурсе метафора помогает участникам «создавать и развивать свой “виртуальный” образ, позволяет коммуникантам выразить свои чувства, состояния и стратегии своего поведения» [Анферова, 2016]. Метафора в интернет-дискурсе является «обязательной и яркой составляющей системы технологий речевого воздействия, служит для более точной передачи смысла явлений, акцентируя важные подробности сообщения» [Доброклонская, 2008]. Обладая воздействующим потенциалом, метафора в политическом интернет-дискурсе служит «основной целью манипулятивного воздействия на адресата исходя из интенций адресанта» [Погребняк, 2019].

В рамках **лингвополитической прогностики** считается, что «метафора задает направленность прогностического текста в “светлом” или в

“мрачном” ключе, организуя его, выступая конституирующим элементом содержательно-смыслового пространства прогноза, связывая различные лингвистические средства выражения категории прогностичности, устанавливая функциональные связи между ними, скрепляя их в единое концептуальное целое» [Солопова, 2017; Chudinov, Solopova, 2015; Kagan, Solopova, 2022; Solopova, Chudinov, 2019]. Таким образом, метафора является эффективным инструментом в формировании понимания политического будущего, представляя его в наиболее выгодном для адресанта сообщении свете: в светлых или темных тонах.

Во второй главе «Доминантные метафорические модели в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая» подробно описываются методика анализа и материал исследования, приводится система метафорических моделей в дискурсах США и Китая, рассматриваются типологические особенности английского и китайского языков, влияющие на метафорическую плотность дискурсов, детально анализируется фреймо-слотовая структура доминантных моделей в сопоставительном ракурсе.

В п. 2.1 *«Методика анализа метафорических моделей со сферой-мишенью “будущее России” в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая»* изложены основные этапы, процедуры, методы и приемы исследования, объяснена метафорическая плотность двух дискурсов, обусловленная типологическими особенностями языков.

Отбор материала для исследования состоит из ряда этапов. На первом этапе ключевые слова и словосочетания «Russia's future» (будущее России), «sanctions» (санкции), «俄罗斯未来» (будущее России), «制裁» (санкции) вводятся в поисковый менеджер веб-сервисов Quora и 知乎 (Zhihu) с целью сплошной выборки комментариев пользователей, в которых зафиксированы названные языковые единицы. Результатом данного этапа являются два массива комментариев, отсортированных по релевантности, каждый – объемом 1000 контекстов. Затем с помощью ручной обработки материала устанавливается неметафорический или метафорический характер комментариев. Результаты данного этапа представлены двумя выборками метафорических единиц: 357 метафор (американский дискурс) и 1078 метафор (китайский дискурс).

Высокая метафоричность китайского дискурса, более чем в три раза превышающая уровень метафоричности американского дискурса, обусловлена прежде всего типологическими особенностями китайского языка и лингвокультурными факторами:

1) изолирующим типом языка с точки зрения морфологической структуры: как отмечают исследователи, «тексты, созданные на языке, имеющем максимальный показатель изоляции и наименьший показатель синтетизма, отличаются высоким уровнем метафоричности» [Калинин, Селезнева, 2019; Гурулева, Калинин, 2021];

2) слоговым типом китайского языка с точки зрения фонетико-фонологической типологии: ограниченное количество слогов в языке и развитая морфемная омонимия приводят к тому, что одним из самых продуктивных способов словообразования становится словосложение, которое часто происходит за счет концептуального переосмысления компонентов, в основе которого лежит механизм метафорического переноса;

3) иконичностью или образностью иероглифического письма, в котором закреплена метафорическая природа китайского языка: фоносемантический принцип, лежащий в основе формирования 95% наиболее распространенных иероглифов современного китайского языка [Ань Цзыцзе (安子介), 1990], основан на объединении радикала, обозначающего значение, и компонента, обозначающего звук, путем метафорического или метонимического переноса;

4) в китайском языке омонимия и омография часто лежат в основе образования фразеологических единиц, значение которых формируется путем метафорического осмысления одного образа через другой, что также соответствует механизму концептуальной метафоры.

Для английского языка (с алфавитной системой письменности, фонетического строя, основоизолирующе-агглютинативного типа с точки зрения морфологической структуры, аналитического типа по локусу выражения грамматических значений) названные особенности не характерны. По сравнению с китайским дискурсом метафоричность текстов на английском языке относительно невысока.

Далее устанавливается сфера-источник метафорической экспансии; с учетом частотности употребления проводится количественный анализ метафорических единиц, актуализирующих ту или иную модель; метафорические модели ранжируются по шкале частотности; конструируется система метафорических моделей, вербализующих образ будущего России на материале американского и китайского дискурсов (таблица).

В таблице представлены системы метафорических моделей (ММ), востребованных в создании образа будущего России в американском и китайском дискурсах: девятнадцать являются общими для дискурсов США и КНР, специфичной для дискурса США является педагогическая модель, для дискурса КНР – метафора пути. Общими доминантными ММ выступают ММ Организма и Мира животных, в таблице указанные римскими цифрами I и II соответственно.

Таблица

**Система метафорических моделей со сферой-мишенью
«Будущее России» (дискурсы США и КНР)**

	Метафорическая модель (ММ)	Количество, %, США	Количество, %, КНР
1	Физиологическая	32,2 I	30,6 I
2	Зооморфная	9,24 II	11,7 II
3	Неживая природа	6,44	7,8
4	Театральная	5,9	0,9
5	Игровая и спортивная	5,6	9,1
6	Милитарная	5,3	10,4
7	Криминальная	5,04	6,3
8	Монархическая	5,04	4,3
9	Доместическая	4,76	1,3
10	Религиозная	4,2	0,7
11	Морбиальная	3,64	2,2
12	Родство	2,8	9,6
13	Гастрономическая	2,0	0,9
14	Историческая	1,68	0,4
15	Космическая	1,68	0,9
16	Механистическая	1,12	0,2
17	Фитоморфная	1,12	0,6
18	Финансовая	0,84	1,1
19	Сексуальная	0,84	0,7
20	Педагогическая	0,56	—
21	Путь	—	0,2

Для анализа доминантных метафорических моделей использован метод метафорического моделирования, разработанный А. П. Чудиновым [Чудинов, 2012] и развиваемый в рамках Уральской школы политической лингвистики его последователями и учениками (Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Р. И. Зарипов, М. Ю. Илюшкина, Н. А. Красильникова, Р. Р. Мавлеев, Е. А. Нахимова, О. А. Солопова, Ю. Р. Тагильцева, А. Г. Фомин, Е. В. Шустрова и др.). «ММ выступает как существующая или возникающая в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными сферами X и Y, компоненты которой не отождествляются, а уподобляются: ‘X подобен Y’» [Чудинов, 2001]. Помимо фиксации метафор, структурирования и распределения ММ по шкале частотности, анализ включает определение частотных фреймов и слотов, установление прагматического потенциала метафоры, способности моделировать образы «светлого» и «мрачного» будущего. Применение когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического методов позволяет выявить факторы, влияющие на активное употребление метафор со сферой-мишенью «Будущее России» и частотных сфер-источников, в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР.

Доминантными ММ со сферой-мишенью «будущее России» в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая являются метафоры организма и животного мира, сопоставительный анализ которых проведен в последующих параграфах.

В п. 2.2 «Физиологическая метафора» последовательно приведены результаты исследования доминантной модели на материале американского и китайского дискурсов, выявлены общие черты и особенности.

Структура физиологической ММ в неинституциональных политических интернет-дискурсах США и Китая включает три совпадающих фрейма: «Физиологические органы и части тела», «Физиологические действия» и «Тело (организм) человека»; специфичным для китайского дискурса является фрейм «Органы управления психикой».

В проанализированном материале среди фреймов физиологической ММ наиболее структурирован при концептуализации вероятного будущего России фрейм «Физиологические органы и части тела»: «face» (лицо), «foot» (нога), «brain» (мозги), «spine» (позвоночник); «头» (голова), «脸面» (лицо), «嘴» (рот), «眼» (глаз), «筋» (мышцы) и др.

В рамках фрейма «Физиологические органы и части тела» общими слотами являются слоты «лицо и его “составляющие” (щеки, брови, подбородок и др.)», «ноги», «голова», «руки», «сердце» и «позвоночник, хребет» (рис. 1).

В дискурсах США и Китая слот «лицо и его “составляющие”» находится на втором месте по частотности (19,35% и 32,7% соответственно):

*Russia has next to no international support whatsoever, except at most China, who will give some **lip service**, but will also be perfectly happy to watch Russia bleed on the sidelines, and get some bargain-basement prices on Russia's petroleum and other raw materials they can no longer sell to the West*¹. В приведенном примере при описании российско-китайских отношений преобладают негативно окрашенные метафоры. Метафора «пустые слова» (lip service) характеризует Китай как ненадежного партнера, который не поможет союзнику в трудной ситуации, а будет наблюдать, как российская экономика стремительно слабеет («истекать кровью» (bleed)), с целью получения собственной выгоды – покупки российских товаров по выгодной цене. Метафорический контекст репрезентирует весьма «мрачное» будущее России: в экономике на фоне санкций произойдет резкий спад, и Россия будет вынуждена продавать нефть Китаю по заниженным ценам.

¹ У России практически нет никакой международной поддержки, кроме, в лучшем случае, Китая, который будет обещать **что-то на словах** и совершенно спокойно и пассивно наблюдать, как Россия истекает кровью, получая очень выгодные цены на российскую нефть и другое сырье, которые она не сможет больше продавать Западу.

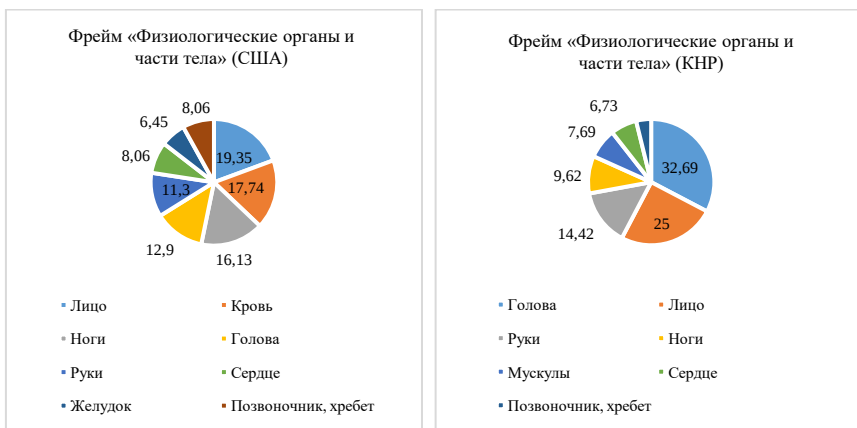

Рис. 1. Фрейм «Физиологические органы и части тела»
(дискурсы США и КНР)

В неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР к слоту относятся метафоры, отображающие зависимость России от ее союзников и их вероятное будущее в контексте проводимой США санкционной политики:

普京深知唇亡齿寒的道理，如果中国被搞趴下了，俄罗斯绝对得不好处，会紧跟中国后尘甚至后果更严重，所以俄罗斯决不会上美国的当，这更增加了美国对俄罗斯的仇恨，必欲除之而后快². Метафорический оборот «если губы пропадут, то и зубы замерзнут» (唇亡齿寒), означающий тесную материальную зависимость, реализует прогностический смысл о взаимозависимости России и Китая в настоящем и вероятные негативные последствия для России при потере Китаем лидирующего положения на международной арене. Последующее метафорическое выражение «следовать за другими» (后尘) используется при моделировании будущего России, которая понесет большие потери по сравнению с Китаем. Метафорический контекст описывает ситуацию, в которой прогнозируется возможное вмешательство Америки во взаимоотношения России и Китая с целью устранения одного за другим сильных соперников на международной арене. Причиной такого исхода может послужить сотрудничество России и США, в котором Россия непременно, по мнению китайских пользователей, будет обманута («остаться в дураках, понести убыток» (上当)).

В обоих дискурсах в рамках представленного слота частотными являются метафоры, рисующие «мрачное» будущее для России и ее союзника – Китая.

² Путин хорошо знает правду о принципе **взаимозависимости** (если губы пропадут, то и зубы замерзнут – досл.): если Китай падет, то России будет очень плохо, она пойдет по стопам Китая, и это будет иметь еще более серьезные последствия, поэтому Россия никогда не попадется на уловку (остаться в дураках – досл.) США, что усиливает ненависть Америки к России и желание побыстрее избавиться от нее.

Специфичными слотами в дискурсе США являются слоты «кровь» (17,74%), «органы пищеварения: желудок и его метонимический заместитель живот (брюхо)» (6,45%):

Наиболее частотным слотом из указанных выше выступает слот «кровь»:

*If Ukraine puts up a good fight and an insurgency starts, a long **bloody** war of attrition could happen, combined with massive sanctions this will suck the life out of the Russian economy for likely the next 10 years if not more*³. Метафоры «кровавый» (bloody) и «высосать жизнь» (suck the life out) моделируют будущее России в результате украинского кризиса. Метафорическая единица «кровавый» (bloody) прогнозирует большие потери как со стороны России, так и со стороны Украины за время специальной военной операции РФ на Украине. Второе метафорическое словоупотребление «высосать жизнь» (suck the life out) из сферы-источника «Физиологические действия» репрезентирует «мрачное» будущее российской экономики, которая понесет огромные убытки вследствие антироссийских санкций Запада и военной операции РФ.

Специфичным слотом в дискурсе КНР при описании будущего России на мировой арене является слот «мускулы» (7,7%):

美国只要还在领导西方国家，它就可以很容易地发起针对俄罗斯经济的制裁，一个强大的俄罗斯是不符合美国利益，美国发现经济制裁是性价比高的策略，自己所伤只是皮毛，而俄罗斯就会**伤筋动骨**⁴. Минимальные потери, которые негативно и в разной степени скажутся на различных отраслях экономики США, передаются с помощью метафоры «кожа и волосая покров» (皮毛), тогда как степень разрушительного воздействия санкций на экономику России репрезентирует метафорическое выражение «повредить мышцы, переломать кости» (伤筋动骨). Таким образом, метафоры продуцируют образ «мрачного» для России будущего, транслируя намерения США воспрепятствовать развитию страны, ввиду опасения Америки потерять лидирующее положение на мировой арене.

Во фрейме «Физиологические органы и части тела» в неинституциональных политических интернет-дискурсах США и КНР в представленных слотах превалируют негативно окрашенные метафоры, которые профилируют смыслы «мрачного» будущего России: дестабилизацию экономической ситуации, на восстановление которой уйдут долгие годы, ухудшение российско-китайских отношений.

³Если Украина окажет достойное сопротивление и восстанет, может начаться долгая **кроваво-пролитная** война на истощение, в сочетании с массированными санкциями это, вероятно, высосет жизнь из российской экономики на ближайшие 10 лет, если не больше.

⁴ Пока США по-прежнему лидируют в западных странах, они могут легко инициировать санкции против российской экономики. Сильная Россия – не в интересах США. США обнаружили, что экономические санкции являются экономически эффективной стратегией: себе вредят поверхностно (кожа и волосая покров – досл.), а Россия может **получить тяжелые увечья** (повредить мышцы, переломать кости – досл.).

Наименее частотным и специфичным фреймом при формировании образа будущего России в дискурсе КНР является фрейм «Органы управления психикой», где активны следующие метафорические единицы: «**«страх»**», «**«двигатель»**» (разозлиться), «**«нервы»**» (нервы) и др., представляющие слот «эмоциональное состояние» (4%):

Американские санкции против России, можно сказать, что Россия страдает от «**«двигателя»**», по мнению автора комментария, контрмеры, вводимые Россией, разнятся с ожидаемыми действиями с ее стороны: Россия должна приступить к более решительному отпору в ответ на западные санкции. Большинство метафорических единиц фрейма имеют выраженную негативную окраску и формируют смыслы вероятного противостояния России с США.

Анализ данных показывает, что в рамках физиологической модели доминируют отрицательно нагруженные единицы. В каждом фрейме зафиксированы метафоры с негативной оценочностью, репрезентирующие «**«темное»**» будущее России в условиях санкций США: прекращение взаимодействия России и США с негативными последствиями для России в политическом и экономическом плане, ослабление влияния страны на мировой арене и постоянный контроль США, направленный на сдерживание ее развития.

Доминантность физиологической метафоры может быть связана с тем, что неотъемлемыми содержательными компонентами метафор сферы-источника «Организм и его составляющие» являются развитие и изменение. Отталкиваясь от состояния государственного организма в настоящем, физиологическая метафора позволяет «спрогнозировать» его будущее: изменения в строении и функционировании государственного организма, приводящие к развитию и созреванию или, напротив, к гибели. Метафорическая модель организма в двух дискурсах содержит одинаковый фреймо-слотовый состав за исключением специфичного и наименее частотного фрейма («Органы управления психикой») в дискурсе КНР. Специфичность этого фрейма объясняется тем, что метафора репрезентирует образы эмоционального состояния субъекта, его отношение к окружающей действительности и к себе в определенный момент времени. Такое психическое состояние может не совпадать или быть не типичным для большого количества получателей сообщения.

В п. 2.3 «Зооморфная метафора» рассмотрены общие черты и особенности доминантной модели на материале американского и китайского дискурсов.

Зооморфная ММ в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР состоит из одного фрейма «Состав царства животных»,

⁵ Введение США санкций против России можно назвать «издевательством» (растоптать – досл.) над Россией, с ее нравом ей давно пора ввести более **серьезные контрмеры** (разозлиться – досл.)!

который содержит идентичные слоты: «собственно животные (млекопитающие)», «птицы» и «рыбы» (рис. 2). В этом фрейме активны следующие метафорические единицы: «bear» (медведь), «duck» (утка), «shark» (акула); «熊» (медведь), «猫» (кот), «鱼» (рыба) и др.

Рис. 2. Фрейм «Состав царства животных» (дискурсы США и КНР)

Слот «собственно животные (млекопитающие)» при описании будущего России на мировой арене является доминантным в дискурсах США и КНР (74% и 81% соответственно):

*Russia becomes a stooge of China. This is the outcome of this war. Master Xi must be laughing at this extraordinary stroke of luck that allows him to buy the Big Bear*⁶. Метафора «большой медведь» (Big Bear) концептуализирует Россию, ресурсы которой Китай собирается покупать по невыгодной для нее цене, что приведет к несамостоятельности России, подчиненности Китаю. Негативность контекста усиливается театральной метафорой «марионетка» (stooge), которая репрезентирует определяющую роль КНР в повестке российско-китайских отношений. Метафорический контекст прогнозирует вероятное осложнение российско-китайского взаимодействия, поддержку Китая, который в первую очередь руководствуется собственными геополитическими интересами, и, как следствие, вероятный регресс экономики России.

В дискурсе КНР «медвежья» метафора также может профилировать смыслы «мрачного» будущего:

... 罪状多不容数。世界上的正义政府都不会选择视而不见，都要对**俄熊**流氓采取行动。(…слишком много преступлений, которые невозможно сосчитать. Справедливые правительства мира не станут закрывать на это глаза (смотреть, но не видеть – досл.) и примут меры против русских **медведей-хулиганов**).

В приведенном контексте, построенном на антитезе, Россия предстает как государство-хулиган, а точнее – русский «медведь-хулиган» (俄熊流氓)

⁶ Россия становится марионеткой Китая. Таков исход этой войны. Мастер Си, должно быть, смеется над этой необыкновенной удачей, которая позволит ему купить **Большого Медведя**.

(сферы-источники: «Мир животных» и «Преступность»). Лексема «хулиган» (流氓) описывает человека, который грубо нарушает общественный порядок [百度百科 – китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]. По мнению автора комментария, медведь-хулиган совершил множество преступлений, за которые он должен понести справедливое наказание от Запада. Метафорическое словосочетание «смотреть, но не видеть» (视而不见) (сфера-источник «Физиологические органы и части тела»), употребленное с модальным глаголом с отрицанием «не мочь» (不会), профилирует смыслы о необходимости принятия безотлагательных мер ведущими государствами мира. Таким образом, метафоры продуцируют отрицательный образ будущего России, на действия которой будут введены ограничительные меры.

Слот «птицы» при моделировании будущего России в условиях санкций Запада в отношении России находится на втором по частотности месте в дискурсах США и КНР (13% и 16% соответственно):

*Attacking isn't the same thing as winning. Putin isn't so dumb as to insist upon an offensive before his **ducks are in a row***⁷. Метафорическое словосочетание «утки встанут в ряд» (ducks are in a row) означает быть полностью подготовленным и хорошо организованным [Cambridge Dictionary]. Таким образом, употребление метафоры способствует конструированию смыслов дальновидности российского президента при проведении специальной военной операции на Украине, его устремления добиться в будущем желаемого и необходимого для страны результата.

因为俄罗斯是世界第一大国，美帝只有震慑住俄罗斯才能达到“杀鸡骇猴”的战略目的，因此才纠结力量制裁俄罗斯⁸. «Метафорическое выражение “убить курицу, чтобы запугать обезьяну” (杀鸡骇猴), означающее “наказывать одного в назидание другим”, следует за монархической метафорой “американский император” (美帝), которая описывает доминирование Америки на геополитической арене. Император стремится к полному подчинению своих подданных, а тех, кто обладает какой-либо силой или влиянием, необходимо заставить “дрожать от страха” (震慑) для достижения цели – их подчинения. В связи с этим США стремятся “наказать” Россию, чтобы другие страны и не подумали идти против воли “императора”. Метафорический контекст изображает Россию как серьезного соперника США, которого последние готовы наказывать с целью сдерживания развития страны и для демонстрации результатов, к которым может привести политика, разнящаяся с интересами США. Так, метафора, как бы

⁷ Атаковать – не то же самое, что побеждать. Путин не настолько глуп, чтобы настаивать на наступлении до того, как он полностью **спланирует операцию** (утки встанут в ряд – досл.).

⁸ Поскольку Россия является крупнейшей в мире державой, американский империализм должен сдерживать ее только для того, чтобы достичь стратегической цели – **убить курицу, чтобы запугать обезьяну**, поэтому они и ввели силовые санкции против России.

“отталкиваясь” от российско-американских отношений в настоящем, прогнозирует их будущее развитие» [Бойко (Фролова), 2021].

Слот «рыбы» находится на третьем месте по шкале частотности в дискурсах США и КНР при описании будущего российско-американских отношений (13% и 3% соответственно):

*You know how teeth work in sharks? They replace bad or dead ones with the new ones, sharp, bodeful, fearsome. Same would happen if “Putin dropped dead”*⁹. Метафорически правительство России предстает как челюсти крупной хищной рыбы – акулы, а каждый чиновник – как длинный острый зуб. Метафора моделирует образ России, которая, как хищник, ведет обособленный образ жизни, находится в постоянном движении, непрерывно гоняется за добычей из-за неутолимого чувства голода. И даже смерть главы государства ничего не изменит, поскольку его тут же заменит столь же опасный президент: акулы часто теряют зубы из рабочего ряда, на место выбывшего из строя «ножа» выдвигается новый зуб из близлежащего ряда (по принципу конвейера). Метафора репрезентирует Россию как страну, которая, занимая сильную позицию на мировой арене, предпочитает вести относительно независимую политику, но которая постоянно будет стремиться к поиску новой «жертвы» для удовлетворения своих потребностей, моделируя образ опасной России, безжалостной к своим оппонентам в будущем.

В дискурсе КНР также прогнозируется смысл «мрачного» будущего российско-американских отношений:

现在眼看着美国制裁自己，但是反击美国的手段却很少。除非**鱼死网破**和美国对着发射核弹，而真的到了那一天的时候也是这个世界灭亡的时候¹⁰。«Метафорическое выражение “либо рыба умрет, либо сеть порвется” (鱼死网破) в значении смертельной схватки, борьбы не на жизнь, а на смерть прогнозирует возможный исход противостояния России и США, транслируя смыслы того, что проводимая санкционная политика против России может привести к плачевным результатам – к ядерной войне, в которой погибнет весь мир» [Бойко (Фролова), 2021].

При анализе зооморфной метафоры в неинституциональных политических интернет-дискурсах США и КНР выявлено, что во фрейме «Состав царства животных» преобладают негативно окрашенные метафоры. Метафоры с отрицательным прагматическим потенциалом реализуют смыслы осложнения российско-китайских и российско-американских отношений, расширения НАТО, усиления экономического кризиса в России, ослабления геополитического влияния страны и возможную ядерную войну.

⁹ Знаешь, как устроены **акулы челюсти**? Плохие или старые зубы заменяются на новые, острые, зловещие, устрашающие. То же самое произошло бы, если бы «Путин упал замертво».

¹⁰ Сейчас мы наблюдаем за тем, как США вводят санкции против самих себя, но есть средства противостоять им. Если борьба будет **не на жизнь, а на смерть** (либо рыба умрет, либо сеть порвется – досл.) и превратится в ядерную войну, то тогда погибнет весь мир.

Положительно окрашенные метафоры, зафиксированные в слоте «птицы», связаны с личностными качествами президента РФ.

Фреймо-слотовый состав зооморфной метафоры в двух дискурсах идентичен. Высокая частотность зооморфной метафоры при репрезентации будущего России связана с древнейшей традицией зооморфной метафоризации стран. Зооморфные метафоры нагружены, как правило, отрицательным потенциалом: обезличивая политического противника, метафора продуцирует негативный образ его вероятного будущего.

В третьей главе «**Метафорическая репрезентация будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая**» рассмотрены менее частотные общие метафорические модели, рекуррентность которых при моделировании метафорического образа будущего России разнится в американском и китайском дискурсах: «*Метафора неживой природы*» (п. 3.1), «*Театральная метафора*» (п. 3.2), «*Игровая и спортивная метафора*» (п. 3.3), «*Милитарная метафора*» (п. 3.4), «*Криминальная метафора*» (п. 3.5), «*Монархическая метафора*» (п. 3.6), «*Доместическая метафора*» (п. 3.7), «*Религиозная метафора*» (п. 3.8), «*Морбиальная метафора*» (п. 3.9), «*Метафора родства*» (п. 3.10), «*Гастрономическая метафора*» (п. 3.11), «*Историческая метафора*» (п. 3.12), «*Космическая метафора*» (п. 3.13), «*Механистическая метафора*» (п. 3.14), «*Фитоморфная метафора*» (п. 3.15), «*Финансовая метафора*» (п. 3.16), «*Сексуальная метафора*» (п. 3.17); и две специфичные для каждого дискурса «*Педагогическая метафора*» (п. 3.18) в дискурсе США и «*Метафора пути*» (п. 3.19) в дискурсе КНР.

В соответствии с методикой, разработанной в диссертации, для каждой модели определены частотные фреймы, установлен прагматический потенциал метафоры, ее способность продуцировать образы «светлого» и «мрачного» будущего.

В рамках всех моделей зафиксированы метафоры, продуцирующие образы «мрачного» будущего России.

Приведем некоторые примеры. Гастрономическая метафора (фрейм «Пища») в дискурсе США моделирует образ будущего России в условиях украинского кризиса в темных тонах:

*Fun fact – Poutine is a Québécois dish of fresh cut fries topped with cheese curds and hot brown gravy. Restaurants have taken this off their menu. Maybe discerning Russians with a taste for freedom will take Putin off their menu*¹¹. В данном примере название блюда *Poutine* концептуализирует президента РФ В. В. Путина. Метафорический контекст профилирует смысл возможной опасности для президента РФ: потерю своей правящей позиции из-за проведения политики, не угодной россиянам, которым необходима большая свобода действий, что выражается гастрономической метафорой «вкус» (taste),

¹¹ Забавный факт: Poutine – это квебекское блюдо из свежего картофеля фри, посыпанного творожным сыром и политого горячей мясной подливой. Рестораны убрали его из своего меню. Может быть, проницательные россияне со вкусом к свободе тоже уберут Путина из своего меню.

употребленной вместе с лексемой «свобода» (freedom). Метафоры прогнозируют вероятную угрозу для правительства России, а именно его свержение.

В китайском дискурсе в космической метафорической модели во фрейме «Планеты Солнечной системы» превалируют отрицательно окрашенные метафоры при описании будущего российско-американских отношений:

Российско-американские военные конфликты, если не будут контролироваться, будут **火星撞地球** (火星撞地球), война, в которой только взаимное уничтожение, Россия, если она хочет противостать экономическим санкциям США, может «оплатить им той же монетой» (поступай с человеком так, как он поступает с тобой – досл.), так как США ввели экономические санкции против России, то она также может подобрать экономическое оружие против санкций США.¹² Космическая метафора «Марс врежется в Землю» (火星撞地球), обозначая уничтожение обеих сторон, репрезентирует вероятный исход противостояния России и Америки, которые после прямого столкновения останутся ни с чем. Милитарная метафора «оружие» (武器) продуцирует смысл способности России найти экономическое средство, чтобы ввести ощутимые для США контрмеры в ответ. Метафоры профилируют образ будущего России в мрачных тонах, поскольку противостояние двух стран может привести к открытому конфликту, в котором пострадают обе стороны.

Интересно отметить, что в специфичных для дискурсов США и Китая моделях (педагогической метафоре и метафоре пути соответственно) зафиксированы исключительно негативно окрашенные метафоры, профилирующие образ будущего России в темных тонах: экономическое отставание страны и ее дезинтеграцию.

В рамках метафор неживой природы, родства и секса, театральной, милитарной, криминальной, монархической, домашней, религиозной, космической моделей обнаружены метафоры, моделирующие относительно «светлое» будущее России:

*What do you think of Trump saying on 2/22/22 that a Russian invasion of Ukraine wouldn't have happened if he was president, "I know Putin very well"? – I believe Trump would have Putin **waltz** right w/o a fight even though Ukraine is not his to give he would have done it anyway*¹³. Театральная метафора «вальсировать» (waltz), помимо вида танца, подразумевает «идти куда-либо быстро и уверенно» [Thesaurus.com]. В примере метафора используется, чтобы подчеркнуть свободу действий, которую предоставил бы бывший президент США российскому президенту В. В. Путину в проведении специальной

¹² Если не контролировать военный конфликт России и США, тогда «**Марс врежется в Землю**», в результате – только уничтожение друг друга. Если Россия хочет противостать экономическим санкциям США, то она может «оплатить им той же монетой» (поступай с человеком так, как он поступает с тобой – досл.), так как США ввели экономические санкции против России, то она также может подобрать экономическое оружие против санкций США.

¹³ Что вы думаете о словах Трампа 2/22/22 о том, что российского вторжения в Украину не произошло бы, если бы он был президентом: «Я очень хорошо знаю Путина»? – Я думаю, что Трамп позволил бы Путину «**станцевать вальс**» на Украине без боя, даже несмотря на то, что Украина не принадлежит ему, чтобы ей распоряжаться, он бы все равно так сделал. (Дата указана как в оригинальном комментарии).

военной операции на Украине. Автор комментария делает акцент на подобострастном уважении, которое испытывает бывший американский президент к российскому, что прослеживается в контексте. Метафора профилирует альтернативный образ будущего России, которое могло бы быть «светлым»: оказание Америкой всяческого содействия РФ в проведении внешней политики.

巩固南奥塞梯收回克里米亚, 这成为美帝及其走狗国家在国际上抹黑俄罗斯的宣传素材, 但本大仙以为这完全是强盗逻辑, 站不住脚¹⁴. Метафора неживой природы «мазать грязью» (抹黑), используемая при описании информации, которую распространяют «американский император» (美帝) и его союзники («гончая собака» (走狗)) об усилении Южной Осетии и присоединении Крыма, моделирует отрицательное отношение автора к занимаемой позиции США и их сателлитов в отношении российской политики. Метафорическое словосочетание «не устоять на ногах» (站不住脚) продуцирует смысл возможного прекращения курса, направленного на дискредитирование России в мировой политике.

Прагматический потенциал метафор совпадает, негативно окрашенные метафоры профилируют образы «мрачного» будущего России: ослабление страны на международной арене, территориальную угрозу и гибель всего мира, причиной которой может стать открытое столкновение между Россией и США. Метафоры с положительным прагматическим потенциалом профилируют образ «светлого» будущего России: экономически сильная Россия, способная противостоять натиску санкций и продолжить свое развитие; улучшение российско-американских и российско-китайских отношений. Наличие в дискурсах положительно окрашенных метафор обусловлено экстралингвистическими факторами: тем, что государство на сегодняшний день обладает богатыми природными ресурсами, территориальным преимуществом, влиянием, а значит, и возможностями, чтобы преодолеть санкционное влияние стран Запада и занять ведущую позицию на геополитической арене.

В целом в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и КНР при моделировании будущего России зафиксированы преимущественно негативно окрашенные метафоры: 254 метафоры с отрицательным потенциалом (71%), 103 с положительным (29%) в дискурсе США; в дискурсе КНР обнаружено 736 метафор с отрицательной оценкой (68%) и 342 положительно окрашенные метафорические единицы (32%).

Доминирование отрицательно нагруженных метафор над положительно окрашенными может объясняться лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Лингвистическое обоснование строится на том, что отрицательное различается языком в значительной степени тоньше и детальнее,

¹⁴ Консолидация Южной Осетии и присоединение Крыма стали пропагандистским материалом для США и их лакеев, который они используют, чтобы **вымазать грязью** Россию на международном уровне, но я считаю, что этот совершенно разбойничий и несостоятельный план долго не продержится (не устоять на ногах – досл.).

чем положительное, поэтому метафоры с негативной оценочностью обладают большим прагматическим потенциалом и возможностью к развертыванию в тексте. С точки зрения экстралингвистических факторов преобладание отрицательно окрашенных метафор при репрезентации будущего России может быть объяснено следующим: любое государство ставит превыше всего собственные интересы на геополитической арене, с той страной, с кем эти устремления не совпадают, возникает конфликт, порождающий многочисленные дискуссии и прогнозы, направленные на «очернение» оппонента и моделирование «проигрыша» этой стороны в сложившемся конфликте, что также объясняет частотность таких метафор в дискурсе США как страны-инициатора санкций. Доминирование негативно окрашенных единиц в дискурсе КНР связано с неоднозначным отношением Китая к России. С одной стороны, он является одним из важнейших военно-политических и торговых партнеров России, с другой стороны, открытая поддержка Китаем РФ и ее политики может повлечь за собой прямой внешнеполитический ущерб для КНР.

В заключении подводятся итоги исследования, обобщаются теоретические выводы и практические результаты работы, намечаются перспективы для дальнейшего изучения метафорического образа будущего России в других видах дискурса на материале иных языков и хронологических срезов.

**Основные положения диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях автора:**

**Статьи в рецензируемых научных изданиях,
включенных в реестр ВАК МНиВО РФ:**

1. Бойко (Фролова), А. В. Метафорический образ будущего России в неинституциональном политическом Интернет-дискурсе КНР / О. А. Солопова, Э. В. Будаев, А. В. Бойко (Фролова). – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2020. – № 6 (84). – С. 96–107 (1,4 п.л. / 0,5 п.л.).
2. Бойко (Фролова), А. В. Моделирование будущего России сквозь призму физиологической метафоры (на материале американского социального сервиса Quora) / О. А. Солопова, А. В. Бойко (Фролова). – Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. – 2021. – № 2 (8). – С. 335–350 (1,86 п.л. / 0,9 п.л.).
3. Бойко (Фролова), А. В. Потенциал зооморфной метафоры со сферой-мишенью «Будущее России» (на материале китайского языка) / А. В. Бойко (Фролова). – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 4. – С. 114–122 (1,05 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Бойко (Фролова), А. В. Санкционный дискурс как формат политического дискурса / А. В. Бойко (Фролова). – Текст : непосредственный // Studium Juvenis : межвузовский сборник трудов молодых ученых. – Челябинск, 2020. – Вып. 12. – С. 10–14 (0,29 п.л.).

5. Бойко (Фролова), А. В. Особенности функционирования английских глаголов в санкционном дискурсе (на примере глагола would) / А. В. Бойко (Фролова). – Текст : непосредственный // Современный дискурс-анализ. – 2020. – № 22 (26). – С. 67–74 (0,93 п.л.).

6. Бойко (Фролова), А. В. Категория футуральности в политическом дискурсе / А. В. Бойко (Фролова). – Текст : непосредственный // Studium Juvenis : межвузовский сборник трудов молодых ученых. – Челябинск, 2021. – Вып. 13. – С. 7–11 (0,29 п.л.).

7. Фролова, А. В. Образы войны в моделировании будущего России (на материале китайского языка) / А. В. Фролова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Нижнетагильского государственного социально-педагогического института. Серия: История и филология. – 2022. – № 2. – С. 105–117 (1,51 п.л.).

Монографии:

8. Бойко (Фролова), А. В. Метафорический образ России в зарубежных СМИ : монография / Э. В. Будаев, О. А. Солопова, Р. И. Зарипов, А. В. Бойко (Фролова). – СПб. : Научное издание, 2021. – 217 с. – Текст : непосредственный (12,6 п.л. / 1,34 п.л.).

Подписано в печать 14.04.2023. Формат 60х84/16.

Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.

Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,4.

Тираж 100. Заказ 5415.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.

620091 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: uspu@uspu.ru